

ХИЗЕР ГУДЕНКАУФ

КОГДА
НИКТО
НЕ ВИДЕЛ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г93

Heather Gudenkauf
BEFORE SHE WAS FOUND
Copyright © Heather Gudenkauf, 2019
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Натальи Буравовой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Гуденкауф Х.

Г93 Когда никто не видел : роман / Хизер Гуденкауф ; пер.
с англ. Н. Буравовой. — М. : Иностранка, Азбука-Атти-
кус, 2025. — 432 с. — (Убийство в кармане).

ISBN 978-5-389-27720-5

Для двенадцатилетней Кору Лэндри и ее подруг Вайолет и Джордин это могла быть обычная вечеринка с ночевкой: настольные игры, фильм ужасов под попкорн и болтовня о мальчиках. Но шестиклассницы решают улизнуть из дому, чтобы в полночь отправиться в заброшенное железнодорожное депо и проверить одну из страшных городских легенд. Невинная, казалось бы, затея обернется настоящим кошмаром для многих жителей захолустного городка, когда Кору обнаружат на рельсах еле живой, всю в крови, с ножевой раной в животе и разбитой головой.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Б. Буравова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27720-5

*Моим родителям
Милтону и Патрисии Шмида.
Спасибо, что научили меня ценить дом.*

**Из телефонной переписки
между Джордин Петит и Вайолет Кроу
15 апреля 2018 года, воскресенье**

Джордин: Отправляюсь к Коре в шесть вечера

Вайолет: Я тоже. Надеюсь, не сачканешь?

Джордин: Нет-нет

Вайолет: Неужели у нас все получится???

Джордин: А то! Если только ты сама не перетрусишь

Вайолет: А если нас поймают?

Джордин: Держи язык за зубами, и все будет чики-пуки

**16 апреля 2018 года,
понедельник, 00:45**

Воздух холодный, но она это едва замечает. От окружающей темноты грудь наполняется ужасом, конечности тяжелеют от страха. Но к испугу при­мешивается и другое чувство. Она не может его на­звать; похоже на ощущения накануне дня рожде­ния или в сочельник, а все-таки не совсем то же самое. При мысли о дне рождения или Рождестве становится хорошо, тепло. А тут скорее тревожное ожидание, как если поднимаешься на вышку, что­бы прыгнуть в бассейн, или сжимаешься в вагон­чике американских горок, медленно ползущем на самый верх, чтобы рухнуть в бездну. Но сейчас она знает, что умрет.

Бледный месяц подслеповато щурится, скуп­о освещая выпотрошенное здание депо и остовы слу­жебных корпусов. Она вытягивает шею и прикла­дывает ухо к рельсам, надеясь понять, куда делись остальные, но слышит только шепот ветра в высо­кой траве.

Прошло уже очень много времени. Возможно, их ищут. Сейчас или никогда, мелькает лихорадочная мысль. Надо рискнуть, иначе он никогда не появи­тся. Таков был уговор. Вдвоем, закрывшись в спаль­не на ключ, они тщательно все распланировали, вплоть до дня и часа.

В правой руке у нее садовый нож, который они утащили из кухонного ящика. Другая рука сво­

бодна, слегка прижата к боку. Сначала они хотели взять лом, но потом решили, что он слишком большой: тяжело таскать и поднимать. Нож удобнее ложится в ладонь, придавая руке уверенность и силу, пальцы ловко обхватывают рукоять. Она воспользуется оружием, если понадобится.

За последний месяц он отправил ей немало сообщений, настоящих любовных посланий. Нежные, ласковые слова, которые она, будь такая возможность, спрятала бы в специальной коробке из-под обуви, заполненной «секретиками»: счастливыми монетами и камешками в форме сердечка, найденными за многие годы. Но он сказал, что у них могут быть неприятности, поэтому она просто вызубрила каждую фразу сообщений и по ночам перед сном шепотом повторяет их, и тогда кажется, будто он рядом.

Она ускоряет шаги и движется к рельсам, потускневшим и источенным временем и стихиями. Полузасыпанные шпалы, словно выгоревшие на солнце кости, проглядывают сквозь бурьян. Она тяжело дышит и вдруг понимает, что по щекам катятся слезы. На противоположной стороне путей распростерлось поле, где когда-то сеяли озимую пшеницу, а теперь растет один бурьян — чернобыльник да лебеда. Там что-то виднеется. Силуэт прячется в тени, но она знает: это он. Пришел. Он манит ее поднятой рукой, и сердце у нее подпрыгивает.

Краем глаза она видит на путях знакомую фигуру, которая сидит, упершись подбородком в согнутые колени. Она подходит, и сидящая девочка поворачивает голову, вытягивает ноги, прижимает

к боку раненую руку. Они не обмениваются ни единым словом. Она доверяет этой девочке. Конечно, доверяет.

Фигурка в сухой траве резко задирает подбородок, как бы говоря: «Вперед. Рискни. Или слабо?» И она идет, с трудом переставляя ноги, словно чужие; нож слегка подпрыгивает на бедре. Останавливается перед девочкой, которая поднялась и криво улыбается ей сквозь слезы, сверкая мелкими белыми зубками. Земля под ногами вибрирует, предупреждая о приближающемся поезде. Нужно торопиться: как только локомотив появится, станет слишком поздно. Потому что он уйдет.

Где-то вдалеке лает собака. Поезд грохочет все громче.

Она быстро, не задумываясь, наносит удар. Холодный металл легко пронзает ткань и кожу. Она думала, что будет сложнее, потребуется больше усилий. Девочка растерянно смотрит на нее, прижимает руку к животу и тут же отдергивает. При виде пальцев, испачканных в крови, на лице у девочки появляется удивление.

Локомотив все ближе, рельсы дрожат и гудят. Девочка пытается вывернуться, но она дергает ее назад, гладкая рукоятка ножа выскользывает из рук, оружие падает на землю; она бьет девочку головой о рельсы, и ржавые болты разрывают жертве щеку, нежную кожу под глазом. Снова и снова она бьет девочку головой о рельс, пока у нее самой мышцы не начинают гореть, а жертва не обмякает. Она собирается так и оставить тело на рельсах, но в приливе острого возбуждения сталкивает в сторону.

Она прерывисто дышит, глаза ищут его, но он ушел. Скользнул обратно в высокую траву. Нет, он не мог ее бросить. Он же обещал. Из самых глубин души рвется отчаянный вопль, но она понимает, что не имеет права издать ни звука.

Товарный поезд несется на нее с долгим скорбным завыванием, и ей хочется замереть и дать локомотиву затянуть ее под железные колеса, но ноги почему-то сами несут ее по рельсам. Она продирается сквозь стебли несжатой пшеницы, окрашивая их красным, и тут наконец замечает его. Он останавливается и поворачивается к ней лицом. Он доволен.

Дело № 92–10945

Из дневника Кору Э. Лэндри

5 сентября 2017 года

Сегодня был мой первый официальный день в шестом классе, и он прошел просто отлично! Средняя школа намного больше начальной, где в одном здании собираются ученики из трех маленьких городков. Теперь я буду учиться с ребятами, которых не видела с детсадовских времен.

Здорово, что здесь не будет Мелоди Дженкинс: вот уж с кем мы с пятого класса были в бесконечных контрах. Это ведь она тогда разослала по всей школе целых четыре дурацких списка и на верхнюю строчку каждого поставила меня: как самую тупую, самую уродливую, самую странную девчонку и самую очевидную девственницу. Последнее просто глупо. Я пыталась уговорить себя, что мне фиолетово, но не сработало. А с Джордин Петит мы будем встречаться только в обед и на одном уроке. Джордин, вообще-то, получше Мелоди, но в прошлом году всем расстрепала, будто мне нравится Дакота Рихтер. Вот уж вранье!

А самое приятное — на обеде и на уроке обществознания мы будем вместе с Гейбом Шенноном. Вот он-то мне давно нравится; думаю, и я ему немножко тоже. Этим летом я помогала маме в канцелярии начальной школы, где она работает секретарем, а Гейб вместе со своей матерью готовил подготовишек к новому учебному году. Мы отлично тусили и вроде бы неплохо узнали друг друга.

Кстати, уроки обществознания у нас ведет мистер Довер, он остроумный, симпатичный и, наверное, очень

прикольный, а еще я подумываю начать играть в волейбол. Мама говорит, в средней школе очень важно быть «активисткой», чтобы познакомиться с новыми людьми и понять, чем мне интересно заниматься.

Моя сестра Кендалл считает, что мама прозрачно намекает: мол, не тормози, Кора; если не заведешь друзей сейчас, то не заведешь их никогда. И Кендалл, пожалуй, права. Она-то симпатичная, бойкая и пользуется успехом. Я, конечно, тоже не урод, но определенно не такая красotka, как Кендалл. И по характеру почти полная противоположность ей. Хорошо, что в средней школе в спортивные команды берут любого. Никому не отказывают, и это здорово, ибо мы с волейболом плохо совместимы. Есть, правда, еще один вариант: бег по пересеченной местности, но, по-моему, бежать невесть куда и невесть зачем — несусветная глупость. Итак, волейбол. Завтра первая тренировка. Пожелайте мне удачи — она мне понадобится!

Бет Кроу

16 апреля 2018 года, понедельник

К тридцати шести годам как меня только не называли: дрянью, шлюхой, разлучницей. А то и похуже. Думаю, это справедливо, если уж быть совершенно честной. Но единственное, чего я никогда не позволю сказать о себе, — что я плохая мать. За такие слова могу и в морду дать. Для своих детей я делаю всё. В отношении мужчин — да, могу быть дурой, но мать я хорошая.

Семь месяцев назад я уволилась с должности секретаря в компании канцтоваров для офиса, погрузила вещи в нашу старую, изъеденную ржавчиной машину, втиснула туда же сопротивляющуюся Вайолет, разъяренного Макса и нашего бассет-хаунда Бумера и отправилась в двадцатипятичасовой путь из Алгодона, штат Нью-Мексико, на северо-восток, в Грин-Бэй. План заключался в том, чтобы начать новую жизнь с моим дружкой Джерри, который переехал туда несколькими месяцами ранее, намереваясь устроиться на работу в «Проктор энд Гэмбл».

Мне еще предстояло основательно запудрить детям мозги, но к тому времени, когда мы добрались до Канзас-сити, я почти убедила их: лишившись парка «Пик Пикачу», мы получим взамен знаменитый стадион «Ламбо филд» и клуб американского футбола «Грин-Бэй пэкерс». И хотя мы делаем ручкой прекрасной Рио-Гранде, нас ждет

замечательное озеро Мичиган, где можно рыбачить и кататься на водных лыжах. Пусть мы не сможем гонять по долине Месилья и любоваться полями хлопка — такого белого, пушистого, умягчающего сухую пыльную землю, — зато в Висконсине у нас будут груды хрустящего чистого снега: знай себе лепи снеговиков или играй в снежки.

Макс не купился, а вот убедить Вайолет оказалось легче. Всегда в собственном маленьком мирке, моя девочка с головой погружалась в свои рисунки и рассказы в блокноте, а если отрывалась от него через несколько часов, то быстро моргала, словно пытаюсь вновь сосредоточиться на окружающем. Макс, надо признать, абсолютно не хотел никуда ехать. Он был доволен жизнью в Нью-Мексико и даже не пытался скрыть ненависть к Джерри. Правда, к чести сына, он не стал и скулить «я же предупреждал», когда посреди Айовы наша машина сломалась, а Джерри внезапно передумал и вернулся к бывшей жене.

Короче говоря, мы застряли в Питче, умирающем железнодорожном городке с населением около двух тысяч человек. Нас выручила милая дама по имени Тесс Петит: ее внучка — ровесница Вайолет.

Звонит телефон, нужно ответить на звонок, но впервые почти за год подо мной и внутри меня — мужчина. Наши пальцы переплетаются, мы движемся как одно целое. А телефон все звонит, и в голове мелькает мысль о детях. Вайолет ночует у Кори, а Макс, надеюсь, крепко спит внизу. Обычно Бумер предупреждает меня, когда дети приходят или уходят, но в последний час я несколько отвлек-

лась. Сэм протягивает руку и обхватывает мое лицо ладонью, его пальцы прижимаются к моей щеке, я не спускаю с него глаз и отбрасываю всякие мысли о детях.

Наконец сердце перестает бешено колотиться, Сэм прижимается лицом к моей шее, щекоча бархатистой бородкой, и только тут я вспоминаю о телефоне. Уже поздно. Или рано, как посмотреть: час ночи. Для хороших новостей однозначно слишком поздно.

— Не волнуйся, перезвонят, если что-то важное, — шепчет мне на ухо Сэм, читая мои мысли. Мы задремываем. Затем внутренний голос — голос хорошей матери, которым я так горжусь, — начинает зудеть: «Одевайся! Ты ведь не хочешь, чтобы Макс или Вайолет застали тебя в таком виде?» Но лишь теснее прижимаюсь к Сэму, вспоминая, когда меня в последний раз вот так обнимали.

Будят нас не Макс, не Вайолет и не телефон, а сирены. Сначала вдалеке взывает одиночный сигнал, затем присоединяются еще несколько. Я вскакиваю с кровати, завернувшись в простыню, подбегаю к окну и, вытягивая шею, кручу головой влево и вправо, надеясь увидеть аварийные огни. Но безуспешно. На нашей улице фонарей нет, а в домах через дорогу все еще темно.

— Макс, — выдыхаю я, почему-то уверенная, что сирены гудят из-за него. Что сын попал в автомобильную аварию или занимается какими-нибудь глупостями: слоняется по железнодорожным путям, выпивает с друзьями. — Макс! — кричу я, торопливо накидывая вчерашнюю одежду. — Макс!

И бегу мимо перегородки, отделяющей мою часть спальни от обиталища Вайолет. На моей стороне импровизированной стены висят фотографии сына и дочери, а также старый снимок моих родителей. Со стороны Вайолет приклеены несколько нарисованных от руки изображений единорогов и фей и странные эскизы железнодорожных путей к западу от города.

Я скатываюсь по лестнице в гостиную. Дверь в спальню Макса открыта, я хлопаю по выключателю на стене. Постель не убрана, но это ничего не значит: сын редко застилает кровать. Поворачиваюсь и толкаю вторую дверь, в ванную, — пусто — и третью дверь, ведущую в узкую кухню, где тоже пусто, если не считать небольшой горки грязной посуды в раковине. Значит, Макс заходил сюда, пока мы кувыркались у меня в спальне.

— Попробуй позвонить ему, — советует Сэм, подходя сзади и кладя руку мне на плечо. Его пальцы давят, словно свинцовые гири, и я стряхиваю их. Мне вдруг хочется, чтобы он исчез из моего дома. Вся страсть улетучилась.

Сирены затихают, и я позволяю себе момент надежды. Питч — затерянный городишко, слишком крохотный, чтобы в нем имелись экстренные службы вроде больницы, скорой помощи или пожарной части. Ближайшие есть в Оскалусе к югу от Питча или в Грейлинге, примерно в получасе езды к северо-востоку. Зато у нас есть отдел полиции, который состоит из начальника, одного штатного и двух внештатных сотрудников.

Я бегу обратно наверх, рыщу в поисках мобильного и наконец нахожу его на полу рядом с кроват-

тью. Набираю Макса и слышу, как телефон звонит и звонит, пока не переключается на голосовую почту. Позади меня Сэм натягивает ботинки.

— Не отвечает, — говорю я, стараясь не паниковать. Макс ведь не первый раз болтается незнамо где после полуночи. Я надеялась, что в маленьком городке посреди Айовы — по сути, в большой деревне — он остепенится после Алгодона, где связался с компанией хулиганов и начал курить, выпивать и бог знает чем еще заниматься. Но даже в Питче есть своя стая диких подростков. Так что теперь я опять беспокоюсь, что сын шляется по ночам, влипая в очередные неприятности, только уже не в горах, а на кукурузном поле или железнодорожных путях. Старая погудка на новый лад.

— Да он, верно, у друга заночевал, — замечает Сэм, натягивая через голову толстовку. Я киваю, отчаянно желая, чтобы это было правдой. — У тебя есть его фотография? Могу поискать его по окрестностям.

— Нет-нет, все в порядке, — отказываюсь я. — Мне известно, куда он ходит. — Это не совсем правда. Я знаю, что Макс общается с мальчиком по имени Клинт, который постоянно носит камуфляжные штаны: значит, либо они у него одни-единственные, либо их целая стопка и он их просто меняет на точно такие же. Приходя к нам, Клинт никогда не смотрит на меня и на вопросы отвечает как можно короче. У него близко посаженные глаза хорька, а на лице всегда сердитое выражение. О его семье я знаю только одно: Клинт живет в трейлере к востоку от города с мамой и двумя братьями.

— Хочешь, я останусь? Подожду и посмотрю, вернется ли он.

Да ни за что. Нечего этому человеку делать в моем доме, когда меня нет.

— Думаю, тебе лучше уйти, — отвечаю сдержанно. — Я сама поищу сына. Впрочем, за участие спасибо.

— Дай хоть провезу тебя по округе, — настаивает Сэм. Вид у него такой, словно он действительно хочет помочь. — А ты из машины попытаешься дозвониться.

Он прав. Питч — всего лишь точка на карте, и далеко не все проселочные дороги мне ведомы.

Припоминаю знакомую Макса; он не в курсе, что я про нее знаю.

— Есть одна девица, — говорю задумчиво. — Живет, наверное, недалеко от ярмарочной площади. Зовут, кажется, Никки. Хорошенькая, только слишком ярко красится и брови выщипаны едва не налысо. Несколько раз в неделю заходит в кругло-суточный магазин, где я работаю, «Пойло и харчи». Серьезно, так и называется. Никки почти всегда покупает одно и то же: банку «Ред булл», жвачку со вкусом корицы и упаковку пончиков с сахарной пудрой. Иногда приходит одна, а иногда с девочкой лет пяти, у которой синдром Дауна. Наверное, сестра.

Никки всегда терпеливо ждет, пока малышка, зажав в руке долларовую купюру, бродит по проходу. Не закатывает глаза, не вздыхает тяжело, пока сестра то берет пачку мармеладных червячков, то кладет ее обратно и тут же тянется за пакетом картофельных чипсов. Девочка три-четыре раза

хватает разные закуски, но в конце концов всегда останавливается на мармеладных червяках. Никки просто ждет, рассеянно крутя металлическую стойку, на которой лежит всякая всячина от цепочек для ключей до солнцезащитных очков. Когда сестра наконец принимает решение, они выкладывают покупки на прилавок, и я рассчитываю их.

Мне ужасно хочется, чтобы Макс рассказал мне о Никки, но на каждый вопрос о его друзьях сын просто отвечает, что в Питче все тупые. Я не настаиваю, стараюсь не давить, опасаясь, что в противном случае он вообще перестанет хоть что-то рассказывать.

Сэм открывает передо мной дверь и ждет рядом, пока я размышляю, запирать дом или нет. У Макса есть ключ, а вот Вайолет, уходя на ночь к подруге, свой не взяла.

— Все будет хорошо, — успокаивает меня Сэм. — Тебя и не будет-то всего полчаса, не больше. У дочери же есть телефон, верно?

— Да, но лучше оставить записку, — говорю я и, бросившись назад, нацарапываю несколько слов на обратной стороне попавшегося под руку конверта: «Вайолет, я пошла искать Макса. Запри за собой дверь, если вернешься домой раньше нас. Мама».

Когда я выхожу на улицу, Сэм уже сидит в работающей машине. Моя — не та, на которой мы приехали в Питч, а та, у которой меньше миль пробега и меньше вмятин, — припаркована на подъездной дорожке прямо перед внедорожником Сэма. Ночной воздух холодит; напрасно я не прихватила тол-

ставку. Сажусь рядом с Сэмом, который, видя, как я дрожу, включает печку на максимум.

— Куда? — спрашивает он. Я благодарна ему за предложенную помощь, за готовность отправиться со мной на поиски, однако внутренний голос настойчиво советует мне пересесть из его машины в свою.

— Давай сначала заедем к его приятелю Клинту, — говорю я. — Его дом примерно в четырех милях отсюда по шоссе.

Сэм дает задний ход по засыпанной гравием подъездной дорожке и останавливается посреди улицы.

— Давай-ка лучше, — говорит он, переводя взгляд на меня, — съездим посмотрим, с чего там сирены вопили. Может, тогда ты поуспокоишься.

А в его предложении есть смысл. Мы можем объехать всю округу и не встретить Макса, но если поехать туда, куда вроде бы направились машины скорой помощи, я точно буду знать, что Макс в безопасности. Или нет.

— Думаю, нам на запад, — соглашаюсь я, и Сэм, выжимая сцепление, мчится к железнодорожным путям, разделяющим Питч пополам. Никто не может сказать, что одна сторона Питча лучше другой. На северной есть лютеранская кирха, библиотека и магазин «Пойло и харчи», а на южной — католический храм, средняя школа и старый театр. В обоих концах городка есть дома, изъятые за долги и выставленные на продажу.

Сэм сворачивает на Мейн-стрит, и я начинаю нервно притопывать ногой, когда мы проезжаем сначала мимо хозяйственного магазина, а по-

том — антикварной лавки со старинным автоматом для газировки, стоящим перед входом. Сэм тянется к моей руке, но я отдергиваю ее, якобы закашлявшись.

Не следовало приглашать его к себе. Хотя сегодня вечером было наше первое официальное свидание, мы с Сэмом встречаемся довольно часто. Он заходит в «Пойло и харчи» дважды в неделю: первый раз, когда едет навестить родителей, а второй — когда возвращается домой. Покупает чашку кофе или пакет семечек, и мы болтаем.

Он узнал, что я, оказавшись в этом городе, вместо того чтобы починить машину и отправиться дальше в Грин-Бэй, устроилась на работу в круглосуточный магазин, сняла облупившийся дом с двумя спальнями без кондиционеров и с плохо работающим обогревателем и записала детей в школу. Я, в свою очередь, узнала, что Сэм вырос в Питче, сейчас живет в сорока милях отсюда, в Норт-Либерти, и работает научным сотрудником в стоматологическом колледже частного университета Грейлинга.

Сегодня вечером, когда Макс гулял с друзьями, а Вайолет отправилась с ночевкой к Коре, мы с Сэмом поехали в Вашингтон поужинать в итальянском ресторане, о котором он был слышан. Увлечлись неплохим вином и оказались в постели. Большая ошибка. Впрочем, и удовольствие немалое.

Мы скользим мимо почты и двух пустых, давно не мытых витрин, мимо гриль-бара Петитов. Чем ближе мы к железнодорожным путям, тем нетерпеливее моя нога стучит по резиновому коври-

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ХИЗЕР ГУДЕНКАУФ
КОГДА НИКТО НЕ ВИДЕЛ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.04.2025.
Формат издания 70 × 90 1/2. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 26,46. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сапалығын растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-PED-36733-01-R